

Нарциссическая культура и проблема политической легитимации

Ореховский Петр Александрович,

*доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32
ORCID: 0000-0003-2816-1298
orekhovskypa@mail.ru*

Разумов Владимир Ильич,

*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теологии, философии и культурологии
Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского,
Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, 55
SPIN-код (РИНЦ): 6418-9748
AuthorID (РИНЦ): 8985
ORCID: 0000-0002-6904-9764
RazumovVI@omsu.ru*

Аннотация

Работа продолжает переосмысление авторами феноменов изменений в образовании, науке и структуре власти в XXI веке в рамках философии культуры. Для этого используются понятия «карнавала» по М.М. Бахтину, «душа культуры» по О. Шпенглеру, дионисийства (и неоязычества) по Ф. Ницше. Центральной проблемой данного исследования является легитимация политического режима либеральной демократии в условиях нарциссической культуры. Последняя, в силу своих внутренних особенностей, не допускает существования какого-либо внутреннего авторитета, одобрение которого предоставляло бы моральную санкцию властвованию тех или иных политических акторов. История предоставляет несколько вариантов онтологии процесса легитимации. Первые из них связаны с жречеством, существовавшим в условиях господства языческой культуры. Сменившие ее авраамические религии выработали свои сакральные механизмы предоставления санкции на власть. Важнейший сдвиг происходит во время модерна: формируется массовая культура, роль морального авторитета сдвигается от священников к ученым. Для достижения легитимности политические акторы теперь должны обеспечивать прогресс общества на основе новых достижений науки и

техники. Оспаривание легитимности также происходит с помощью научной аргументации: властям предъявляются претензии в ошибочных технико-экономических решениях, повлекших негативные социально-экономические и/или экологические последствия. Крайним, но показательным случаем является оспаривание научных основ политики, как это было в случае советского марксизма.

Расширенное воспроизводство науки и образования в XX веке размывает прежнюю исключительность научной элиты, а заодно ликвидирует сциентистский механизм политической легитимации. Ситуация переворачивается: теперь для продолжения занятий наукой и образованием прежние авторитеты должны доказывать свою полезность властям и обществу. Но то же самое происходит и с самими властями: чиновники и депутаты превращаются в «слуг народа» и с помощью представителей гуманитарных наук объясняют обществу свою необходимость. Они теперь не властвуют, а производят общественные блага в обмен на налоги. Бахтинский карнавал торжествует.

Нарциссической культуре, в центре которой находятся потребности в свободе и самореализации отдельной личности, близок режим либеральной демократии, обеспечивающий защиту прав меньшинств. При этом, однако, любой авторитет – будь то политический, будь то научный – имеет здесь условную легитимность. Растет удельный вес «партизан» – акторов, которые признают легальность существующего общественного устройства, но отрицают его внутреннюю справедливость. Либеральной демократии органически присуща хрупкость и нестабильность. Долговечность такому политическому режиму обеспечивает подъем неоязычества. В отличие от прежних языческих культов здесь отсутствует отдельная социальная группа жрецов. Тем самым проблема легитимации снимается: легитимным автоматически становится *то, что уже есть*. С помощью либерального дискурса каждой отдельной политической личности внушается, что она обладает всей полнотой прав, а государству остались одни обязанности по ее, личности, обслуживанию: именно в этом не оспариваемый никем смысл «последнего человека» Фукуямы.

Ключевые слова: нарциссическая культура, легитимация, сциентизм, карнавал, партизаны, неоязычество, постмодернизм.

Narcissistic Culture and the Problem of Political Legitimation

Petr Orekhovsky,

*Dr. Sc. (Economics), Professor,
Chief Research Fellow of the Institute of Economics of the RAS,
32 Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation*
ORCID: 0000-0003-2816-1298
orekhovskypa@mail.ru

Vladimir Razumov,

*Dr. Sc. (Philosophy), Professor,
Professor of the Department of Theology, Philosophy and Cultural Studies
Dostoevsky Omsk State University,
55a Mira Avenue, Omsk, 644077, Russian Federation*
ORCID: 0000-0002-6904-9764
SPIN-code (RSCI): 6418-9748
AuthorID (RSCI): 8985
RazumovVI@omsu.ru

Abstract

The work continues the rethinking by the authors of the phenomena of changes in education, science and the structure of power in the 21st century within the framework of the philosophy of culture. The concepts of “carnival” according to M.M. Bakhtin, “the soul of culture” according to O. Spengler, Dionysianism (and neo-paganism) by F. Nietzsche are used for this work. The central problem of this study is the legitimation of the political regime of liberal democracy in the context of a narcissistic culture. The latter, due to its internal characteristics, does not allow the existence of any internal authority, the approval of which would provide a moral sanction to the rule of certain political actors. History provides several options for the ontology of the legitimation process. The first of them are associated with the priesthood that existed in the conditions of the domination of pagan culture, the Abrahamic religions that replaced it developed their own sacred mechanisms for granting sanctions to power. The most important shift occurs during the Modern: mass culture is forming, the role of moral authority is shifting from priests to scientists. To achieve legitimacy, political actors must ensure the progress of society on the basis of new advances in science and technology. The legitimacy is also challenged with the help of scientific argumentation – the authorities are presented with claims of erroneous technical and economic decisions that have entailed negative socio-economic and/or environmental consequences. An extreme but significant case is the challenge of scientific foundations of politics, as was the case in the case of Soviet Marxism.

Expanded reproduction of science and education in the 20th century erodes the former exclusivity of the scientific elite and at the same time eliminates the scientist mechanism of political legitimation. The situation is reversed: now, in order to continue pursuing science and education, the former authorities must

prove their usefulness to the authorities and society. But the same thing happens with the authorities themselves: officials and deputies turn into “servants of people” and explain their necessity to society with the help of representatives of the humanities. They do not rule anymore but produce public goods in exchange for taxes. Bakhtin’s carnival is triumphing.

The regime of liberal democracy that ensured the protection of rights of minorities is close to narcissistic culture, in the center of which is the need for freedom and self-realization of the individual. At the same time, however, any authority – political or scientific – has a conditional legitimacy here. The proportion of partisans is growing – actors who recognize the legality of the existing social order but deny its internal justice. Fragility and instability are inherent in liberal democracy. The longevity of such a political regime is ensured by the rise of neo-paganism. Unlike previous pagan cults there is no separate social group of sacrifices. Thus, the problem of legitimation is removed: what is already there automatically becomes legitimate. With the help of the liberal discourse, each individual political personality is instilled that it has all the full rights, and the state is left with only responsibilities for the service of this personality: this is the uncontested meaning of Fukuyama’s ‘last man’.

Keywords: narcissistic culture, legitimation, scientism, carnival, partisans, neo-paganism, postmodernism.

Библиографическое описание для цитирования:

Ореховский П.А., Разумов В.И. Нарциссическая культура и проблема политической легитимации // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 4, ч. 2. – С. 282–305. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.4.2-282-305.

Orekhovsky P., Razumov V. Narcissistic Culture and the Problem of Political Legitimation. *Ideji i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 4, pt. 2, pp. 282–305. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.4.2-282-305.

Введение. Контуры проблемы

В статье [7] был предпринят опыт выделить особый тип нарциссической культуры, интерес к которой может быть вызван тем, что при ее посредстве хорошо выявляются связи политической и интеллектуальной истории [3; 10]. Нарциссическая культура представляет собой основу феномена постмодерна¹. Для нее характерны отказ от модернистских уста-

¹ По мнению отдельных философов, период постмодерна уже закончился [8]. Вне зависимости от того, правы они или нет, мы полагаем, что время господства нарциссической культуры продолжается. Так, можно относить расцвет наукометрии (фактически *библиометрии*) и ориентацию на индекс Хирша к постмодернизму или отрицать это, полагая, что данный феномен является нормальной модернистской процедурой распространения «ключевых показателей производительности» на интеллектуальную деятельность. Однако сама по себе оценка интеллектуальных достоинств научной работы с помощью количественных показателей возможна только в рамках нарциссической культуры. Для предшествующей ей массовой культуры вопрос о количественном сравнении работ Кейнса и фон Хайека, Виттгенштейна и Хайдеггера, Сахарова и Оппенгеймера был полностью нелегитимным. Сама попытка это сделать вызвала бы сомнения в интеллектуальной состоятельности автора соответствующей методики.

новок *служения*, профессионализм во многом обесценивается, уступая место *самореализации*, критерием которой служит *известность, популярность*, а не признание заслуг перед государством, обществом, профессиональной корпорацией. Попросту сказать, количество подписчиков в Интернете здесь намного важнее наличия знаний и компетенций, государственных званий и наград.

Нарциссизм возникает в древности как определенная акцентуация поведения. Если не брать случаи с девиациями, нарциссизм есть форма *самоутверждения личности*, при которой индивид начинает относиться к себе как к самостоятельной ценности, *индивидуальности*. Однако такое выделяющееся поведение требует позитивной социальной санкции, иначе такая личность будет быстро маргинализована. Чтобы этого не произошло, необходим общественный консенсус в отношении политического режима, поощряющего индивидуальность и самореализацию. И такой режим, вообще говоря, является *либеральной демократией*. Естественно, что последняя политическая форма имеет определенные общие черты с античной демократией, хотя различий здесь едва ли не больше, чем сходства. Как пишет в своем популярном учебнике Д. Хелд, «проблемы определения возникают в отношении к каждому элементу фразы: “правление”? – “кого”?

– “народа”?...

– ...Кого можно считать “народом”?...

– ...Если “правление” подразумевает “политическое”, то что сие означает? Охватывает ли оно: а) законность и правопорядок? б) взаимоотношения между государствами? в) экономику? г) внутривнутриполитическую или частную сферу?...

– ...Следует ли повиноваться правилам “народа”? Каково место повиновения и инакомыслия?...

– ...При каких обстоятельствах, если таковые имеются, демократии могут прибегать к принуждению в отношении некоторых представителей своего народа либо против тех, кто находится вне сферы легитимного правления?» [14, с. 16].

Античную демократию Хелд характеризует в рамках «классических моделей», в то время как либеральная демократия – плюралистический режим с большой степенью автономии самых разных сфер. Если принять гипотезу Э. Фромма о наличии у каждого человека естественной склонности к нарциссизму [11], то в рамках разных вариантов демократии эта склонность проявляется очень по-разному. Но ведь и народ в разных моделях демократии очень разный, достаточно напомнить, что женщины, рабы и *неграждане* (метеки) в Афинах к «народу» не относились.

Здесь необходимо – возможно, банальное – методологическое замечание. И культура, и политическое состояние народа, каковым является государство (и, в частности, демократия) эволюционируют и трансформируются по собственным законам. Тем не менее наше понимание культуры вслед за М. Фуко предполагает, что в каждой эпохе существует определенное единство экономических, технических, научно-образовательных и политических практик. В этом отношении мы полагаем, что культура предопределяет политику, но *не наоборот*. Еще Шпенглер в своем «Закате Европы» [16] предполагал, что культура, эволюционируя, превращается в цивилизацию, которой соответствует политическая форма империи. Казалось бы, признание важности культуры как *экзогенного* фактора с тех пор стало общим местом, однако внешняя легкость введения новых практик через принятие тех или иных нормативных актов и/или распространение *модных* образцов (от одежды и автомобилей до стереотипов мышления и высказывания) постоянно создают иллюзию у «творцов», что они могут «выйти за рамки культуры». Более того, благодаря пластичности языка такие «выходки» и характеризуются ныне как нечто «некультурное» или, наоборот, как «вершина культуры».

Говоря о демократии вообще (скажем, в противовес монархии), нельзя сказать, что она всегда способствует нарциссизму. Нет ничего более далекого от нарциссизма, чем возложение исполнения государственных обязанностей на кандидата в члены римского Сената по жребию. Напротив, модель политического рынка по Шумпетеру [17], предполагающая *оценку достоинств человека зависимой от количества собранных им на всеобщих выборах голосов*, представляется вполне нарциссической практикой.

Либеральная демократия – весьма хрупкое политическое устройство, своеобразный оксюморон. Правление народа (большинства) и свобода – разные идеи, об этом говорил еще Ф. фон Хайек [13], а сравнительно недавно – Ф. Закария [1]. Но так и *должно быть*: собственно, сам миф о Нарциссе, если рассматривать его как политическую метафору, иллюстрирует эту хрупкость². Проблема, которую мы попытались решить в этой работе, пересматривая собственные представления о роли науки, ученых и преподавателей в современном обществе, состоит в том, как такое «нарциссическое устройство» может *существовать*. На каких основаниях? И, предполагая вслед за Ф. Ницше, что эти основания являются *дионисийскими*, то как (во что) может трансформироваться такая культура?

² В мифе о Нарциссе смертный человек настолько увлекся собой, что был наказан богиней возмездия Немезидой: она заставила смертного влюбиться в собственное отражение и, залюбовавшись им, он забыл о пище и умер.

Массовая культура. Демократия. Либерализм и нарциссическая культура

Становление модерна, как показывают такие разные авторы, как Ф. Бродель и М. Фуко, меняет характер социальных взаимодействий. Большое количество людей, взаимодействовавших в рамках семейных родов, перемещавшихся внутри относительно небольшой округи, контактируют с представителями других этнических групп, профессий, сословий. Развитие техники и появление крупных мануфактур и фабрик требует другой «дисциплины тела», а заодно и грамотности. Массовая культура формируется медленно, на протяжении веков, чтобы в XX веке достичь своего расцвета. Именно в это время (в конце XIX – первой четверти XX века) происходит переход к электоральной демократии, предполагающей наличие ряда привычных ныне институтов: всеобщего избирательного права, тайного голосования, партийных списков и их лидеров, свободу слова (и печати), аналогично – отсутствия имущественного ценза и т. д.

Своеобразной «высшей формой» такой массовой культуры и нелиберальной демократии был СССР. Он представлял собой пример квотной демократии, когда в местных советах и Верховном Совете должны были присутствовать представители рабочих, крестьян, служащих, «советских женщин», «творческой интеллигенции» – различных учетно-статистических групп, которые, по мнению марксистских обществоведов, составляли «общество»³.

К принципиальным отличиям современной формы демократии мы относим, во-первых, *возможность самоопределения своей социальной позиции любым политическим актором*. До Второй мировой войны представителю промышленного пролетариата было бы затруднительно стать членом палаты лордов и/или представлять интересы финансового капитала в США. Прежняя демократия представляла разные социальные группы чуть ли не в буквальном смысле слова. Напротив, в последние полвека начинающий политик выбирает партию, исходя прежде всего из своих карьерных перспектив внутри соответствующей организации, включая в первую очередь по-

³ Квотная демократия до сих пор сохраняется в российских вузах. В первую очередь это относится к коллективным органам управления. Здесь мы имеем дело, с одной стороны, с отлаживанием механизмов управления: конференция сотрудников, расширенный ректорат и т. п. С другой стороны, принципиальную роль в выполнении вузом своей миссии играют положения о формировании диссертационных советов, НТС и учебно-методических советов, комиссий для приема ГЭКов, ГАКов. При этом на фоне существенного усиления требований к членству в диссертационном совете, к научному руководству аспирантами, магистерскими программами членство в ученом совете вуза сравнительно мало регламентировано. De facto ученые советы большинства вузов далеки от первоначального демократического замысла, а являются объектом манипуляций ректората. Но это общая черта квотной демократии: с Верховным Советом СССР, как и с местными Советами народных депутатов, дело обстояло точно так же.

падание в партийные списки кандидатов в парламенты разных уровней. Политические взгляды не детерминируются ни происхождением, ни местом жительства, ни прежними профессиональными занятиями, являясь, повторимся, *результатом свободного выбора*⁴.

Во-вторых, в настоящее время принципиальную важность приобрел пиар, который делает политика известным. Широкая известность – паблисити, популярность – является необходимым условием успеха на выборах. Узкой известности, *репутации* в той или иной профессиональной среде теперь недостаточно. В эпоху модерна для объективной оценки мастерства человека среди профессионалов широко использовалось понятие «гамбургский счет», но с учетом сказанного выше, с наступлением постмодерна данное понятие потеряло актуальность и практически вышло из обращения.

Эти два условия (свобода выбора и популярность) представляются необходимыми и достаточными для того, чтобы нарциссическая культура стала оказывать решающее влияние на формирование политической среды. Свободное самоопределение отрицает *судьбу*, а требование популярности обуславливает необходимость *хвастовства*. Неважно, является ли политик нарциссом, важно, что для успеха он должен подчеркивать свои достоинства и скрывать свои недостатки – и это уже норма поведения не только политиков, но и обычных, «нормальных» граждан. При этом обычно не замечается следствие: в результате «демонстративного хвастовства как нормы поведения» исчезает грань между приватным и публичным пространством, перестраивается деятельность медиа, а следом, как мы надеемся показать ниже, радикально изменяется роль науки и образования⁵.

⁴ Несколько забежав вперед, отметим: кроме формальных легальных электоральных процедур, на достижение тех или иных социальных позиций влияет и унаследованный гражданином данного государства денежный, символический и социальный капитал: связи родителей и собственные, приобретенные в процессе обучения в престижных университетах, знакомства. Отсюда распространенное представление о сохранении влияния «номенклатуры», «аристократии», «олигархии» и т. д. Клиометрические работы также подтверждают важность наследства и социального происхождения для элиты демократических обществ (см. [2]). Однако происхождение не определяет выбор претендентом политической партии. Последние в либеральной демократии становятся «лидерскими». В отличие от партий эпохи массовой демократии, теперь это избирательные машины, претендующие на голос «медианного избирателя», захват и удержание власти. Они мало похожи на «классовые» партии эпохи модерна, которые претендовали на то, чтобы выражать интересы определенных социальных групп, будь то крестьяне, рабочие или разнородная «буржуазия».

⁵ Пандемия 2020 года вмешалась в учебный процесс и значительно усилила тенденцию стирания границ приватного и публичного. Так, когда преподаватель и студенты находятся в одной аудитории, они в силу самой практики обучения конструируют общую реальность на время занятия. Если занятие проводится дистанционно, каждый пребывает в приватной обстановке и уже из нее включается в учебный процесс. Реальность аудиторного занятия в большей степени устроена как определенная целостность, дистанционное обучение требует парциального представления об учебном процессе.

Заметим, что *отсутствие судьбы* приводит к *бесконечному карнавалу*: политик может периодически менять свою «право-левую» ориентацию, представляться защитником природы, поборником свободы предпринимательства, борцом за права бедных, противником прогрессивного налогообложения, участвуя в бахтинском карнавале масок. Бесполезно искать сущности и соответствия, господствует клоунада. Голливудский актер Рейган становится «великим президентом», объявляет «звездные войны», борется с инфляцией с помощью рекордного увеличения дефицита бюджета и государственного долга. Номенклатурный коммунист Ельцин враждует с привилегиями номенклатуры, совершает капиталистическую (буржуазно-демократическую?) революцию и проводит приватизацию. Дальше больше: политики ведут свои дневники в соцсетях, у них есть подписчики, комментаторы, записи оставляются ежедневно, иногда по несколько раз в день. И если согласиться с тем, что образ поведения элиты представляет собой пример для обывателя, то и обыватель, для того чтобы о нем были хорошего мнения друзья, коллеги, соседи, делает то же самое. Нарциссическая культура диктует нормы поведения и общения. Широкое внедрение цифровых технологий, усиление тенденций к замене физического взаимодействия людей виртуальными контактами не просто усиливает карнавал, а превращает его в основной способ социального существования людей. Убийство и самоубийство перед камерой с последующим появлением комментариев на YouTube после собственной смерти во многом разрушает границы эмпатии, существовавшие раньше.

Символическая власть и политическая легитимация

Чтобы функционировать на протяжении длительного периода времени, любой политический режим должен быть легитимным в глазах населения. Другими словами, люди не могут долго подчиняться «трубой силе», они должны быть уверены в целесообразности (или, если угодно, справедливости) решений, принимаемых властями. В противном случае возникает феномен «партизана», «подпольщика», «мафиози» – граждан, формально признающих легальность административного насилия, но не согласных с его легитимностью [15]. Результатом действий партизан становится «революционный террор» – от шельмования представителей власти в памфлетах и листовках до их физического уничтожения.

Легитимность политического режима основывается на его поддержке (моральной санкции), предоставляемой определенной группой людей, располагающих *символической властью*. По-видимому, первой такой группой, которая «разговаривала с богами» и транслировала всем остальным «волю божественного провидения», были жрецы, пророки. Обратим внимание на то, что древнейшие тексты: веды, Упанишады, Махабхарата, Бха-

гавад-Гита, сутры буддизма, Тора, Библия, Евангелия, Коран – разными способами описывают *связи божественного и человеческого*. Впоследствии роль проводников божественной воли долгое время выполняли (и выполняют) те или иные религиозные деятели. Получение, а по факту присвоение такой «сакральной» санкции светской властью упрощалось в связи с тем, что государство в первую очередь предполагает «контроль над территорией», а религия строится на «царствии небесном», которое «не на земле». Поэтому легитимация часто исходила от акторов, которые были независимы (а зачастую и недостижимы) для местных баронов и королей. Этим в значительной мере объясняются сложности процессов коронации, определения престолонаследования. Это, впрочем, не мешало установлению территориальных границ христианскими орденами, устанавливавшими на своих землях особые правовые режимы, как и их конфликтам со светскими властями (достаточно вспомнить тамплиеров, альбигойцев, не говоря уже о войнах времен Реформации). Несмотря на всё миролюбие христианства, обострения противоречий между внутренней и внешней легитимностью случались достаточно часто, и не менее часто эти противоречия разрешались при помощи войн, реформ, борьбы с ересями.

Таким образом, на протяжении большей части истории человечества легитимность политической формы возникала как результат консенсуса светского интереса и религиозной санкции. В свою очередь, как показал вышеупомянутый О. Шпенглер, религия – это «душа культур» [16]. Уникальность и новизна модерна состоит в сдвиге символической власти от священников к ученым. Взамен религии возникает сциентизм – вера в то, что с помощью науки можно решить все проблемы человечества. Ученые – служители сциентизма – легитимируют политический режим, который теперь должен «обеспечивать развитие», «внедрять инновации», «ускорять научно-технический прогресс». Сначала наука серьезно проигрывает религии, обещающей личное бессмертие. Но по мере перераспределения символического капитала наука вытесняет религию на периферию поля символической власти, претендуя на то, что именно развиваемая ею рациональность позволяет познать истины, формулировать законы, строить теории и на их основе управлять процессами научно-технического прогресса⁶.

Показательным кейсом в этом отношении был марксистский социализм – режим, который прямо заявлял о своих «научных основах». Соот-

⁶ С конца XX века это, впрочем, переходит в область деклараций. Ученые, исключая специалистов по логике, чрезвычайно редко используют понятие истины; не лучше обстоит дело с понятием закона в фундаментальных науках [9]. Анализ частоты употребления понятий М.Н. Эшштейна продемонстрировал, к примеру, редкое употребление философами понятия истины [18].

ветственно, центральный пункт либертарианской критики – «ненаучность» социализма – это основа его делегитимации. Естественно, что провал «советского социализма» сразу же привел и к утрате прежней роли в обществе отечественных гуманитариев. Это сказалось не только на политико-экономках, философах, «научных коммунистах» (социологах), но и историках, искусствоведах... Стоит отметить, что потеря авторитета общественными науками в России довольно быстро стала компенсироваться восстановлением роли православной церкви, ислама, а в некоторых регионах – буддизма и даже шаманизма.

Скоро выяснилось, что утрата прежней символической власти относится не только к бывшим марксистским обществоведам. Кризис легитимности современных политических режимов лежит намного глубже, он связан с самой природой сциентизма. Любая церковь (в том числе и специфические институты ислама) представляет собой иерархически организованную структуру, руководствующуюся общими принципами (догматами). Одной из функций этой структуры является регулирование численности священнослужителей по отношению к верующим. Отсюда определяется и потребность в специфическом духовном образовании, подготовке священнослужителей. Но в отношении обычного высшего образования это не так.

На протяжении второй половины XX века удельный вес людей с высшим образованием в соответствующих возрастных когортах постоянно увеличивался, и в настоящее время во многих странах, включая Россию, он приблизился к 80 %. И – что особенно важно – увеличивался и удельный вес людей с учеными степенями. Используя современную риторику, можно сказать, что «человеческий капитал» рос в геометрической прогрессии. И, естественно, если капитал растет такими темпами, он не может не обесцениться.

Среди современных политических деятелей, добившихся успеха, практически нет людей без высшего образования, а многие из них стали обладателями ученых степеней. Им не нужна дополнительная сакральная санкция на власть, какое-либо специфическое одобрение – будь то со стороны церкви, будь то со стороны ученого сообщества. Они – сами себе ученые и «держат Бога за бороду». Поэтому всё теперь ровно наоборот, количество создало новое качество: *сами ученые и преподаватели теперь нуждаются в моральной санкции начальства*, чтобы быть «полезными» в глазах общества.

Естественно, что прежняя модерновая политическая конструкция, в основе которой начальники по определению «самые умные», в рамках нарциссической культуры, где каждый актер по меньшей мере «не глупее другого», не может быть легитимной. Отсюда и новый популярный сциен-

тистский дискурс, в рамках которого либеральные замполиты объясняют населению то, что *на самом деле* государственные чиновники – *слуги* народа, а налоги – это не результат административного насилия, но *плата за общественные блага*, предоставляемые государством. Этот дискурс – необходимая часть карнавала – почему-то с недоверием воспринимается гражданами. Да и начальники если и принимают услужливые позы и корчат смиренные физиономии, то только в телевизионной (но даже не «интернетовской») реальности. Всё это происходит в тех же студиях, где за круглым столом сидят ученые мужи и объясняют друг другу про «спрос граждан на государство». В публичном пространстве – улиц, интернет-форумов, блогов, постепенно входя и в учебные аудитории, – начинает доминировать совсем другой, «партизанский» дискурс. И чем дальше от налогов и общественных благ, тем «толще» и влиятельнее такие «партизаны».

Самый простой вариант оспаривания легитимности демократии – коррупция, вера в вездесущность которой в XXI веке становится *повсеместной и всеобщей*. При этом неважно, сталкивался ли сам партизан, уверовавший в социальную несправедливость, с «коррупционными требованиями» к нему со стороны чиновников, полицейских, врачей, преподавателей... Важно *политическое* разделение на «честные – мы» и «коррупцированные – они». Здесь нарциссическая культура проявляется наглядно: ни чиновники, ни бизнесмены, ни бюджетники уже не вступаются за честь мундира. Каждый из них будет отстаивать свою *личную* честность, но тут же готов допустить, что *все остальные «договариваются», «дают» и «берут»*.

Вариант посложнее, особый, но в последнее время всё ближе к общему, – конспирология. Здесь действуют иностранные (русские, китайские, западные) агенты; в этом случае «партизан» играет на противоречиях между внутренней и внешней легитимностью.

Можно приводить и другие примеры, но дело, в конце концов, не в этом. Удельный вес и влияние внутренних партизан, признающих легальность, но отрицающих легитимность демократических режимов, постоянно возрастает, сама эта конструкция выглядит весьма неустойчивой – и она *действительно неустойчива*, как показывает практика многочисленных «бархатных и цветных» революций. Тем не менее она продолжает сравнительно успешно функционировать и худо-бедно справляется с кризисами на протяжении последних 40 лет (победу нарциссической культуры мы датируем, по крайней мере, с конца 1970-х годов). Естественно, что доминирование нарциссической культуры означает и широкое распространение мировоззрения постмодернизма.

Прежде чем вслед за многими алармистами говорить о ее неизбежном распаде (а какая культура в принципе может претендовать на вечность?), необходимо понять, как она вообще может *существовать*.

Уточним проблему: либеральная демократия представляет собой форму, которую принимает нарциссическая культура в сфере политического. Но в этой сфере действуют свои законы: будь то монархия или демократия, федерация или республика, – любая политическая форма нуждается в механизме легитимации. После поражения сциентизма и потери учеными прежнего политического влияния никаких новых механизмов легитимации в богатых обществах с высоким уровнем развития науки и техники так и не появляется. Но как в таком случае достигается необходимый минимум устойчивости власти в таких обществах?

Неоязычество и постмодернизм

Отсутствие необходимости в легитимации относительно легко объясняется, если принять гипотезу о подъеме, утверждении и доминировании *неоязычества* в качестве важнейшего элемента современного мировоззрения. Первые черты кризиса сциентизма появляются уже в 1930-х годах, и уже тогда К. Юнг указывает на культ Вотана как основу идеологии нацизма [19]. Впоследствии неоязычество только укрепляется, дополняясь не только возвращением старых богов, когда-то вытесненных христианством, но и новых квазирелигий – от рептилоидов и пастафарианства до сциентистских вегетарианства, бодипозитива и т. д.⁷

В отличие от прежних религий, достаточно долго находившихся в прямом конфликте с наукой, неоязычество легко включает в себя элементы любых научных и/или религиозных практик. Такая система убеждений легко перенастраивается с учетом предпочтений каждого актора, что исключает иерархическую структуру организации культа (здесь не идет речь о сектах – последние не могут выступать в качестве института легитимации власти «по определению»). Отсюда столь разнородное явление, как неоязычество, исключает существование *общепризнанной* касты жрецов, вместо них появляются многочисленные (и короткоживущие) «лидеры мнений». Это предчувствовал уже Ф. Ницше, писавший про смерть христианского Бога и подъем дионисийства [4] – та самая «воля к власти», которая в новой демократии единственная лежит в основе поступков политических акторов, скрываемая за популистской демагогией, «сама по себе». Политический деятель «нового типа» вынужден считаться только с внешними ограничениями, но не с «моралью» [5].

⁷ Стоит оговориться, что элементы старой языческой культуры сохранялись во все времена: от гаданий на картах и внутренностях животных до хороводов вокруг елочки (или каких-то других деревьев). Неоязычество, о котором идет речь, совмещает не только языческие элементы с научной (или псевдонаучной) фразеологией, но и создает свои, понятные посвященным символы. Это относится не только к разным интернет-мемам, но и к акционизму, и к разным ритуалам «расширения сознания». Важным идентификационным признаком является отношение к авраамическим религиям: если «старые» язычники сравнительно мирно сосуществуют с ними, то неоязычники относятся к христианам, мусульманам и иудеям крайне враждебно.

Роль религии – и тем более неоязычества – современная философия рассматривает в русле интересов ряда специалистов к мифологии и неoarханке. С одной стороны, это поддерживается постмодернизмом, включившим в поле интересов быт, повседневность; с другой стороны – вновь обратимся к идеям Ницше: депривированное много веков дионисийское начало всё активнее проявляет себя. Если от осевого времени (800–200-е годы до н. э. по К. Ясперсу) человечество двигалось от хаоса к космосу и от мифа к логосу, то сейчас растет интерес к движениям от космоса к хаосу и от логоса к мифу. Любопытным признаком смены приоритетов в массовом сознании является смена в конце XX века ранее популярной научной фантастики жанром фэнтези с характерными для него мифологизацией и архаизацией сюжетов. Таким образом, неоязычество в философии «проходит по ведомствам» культурологии и философии истории. И по отношению к этому феномену образовалось «слепое пятно»: ведь научное мировоззрение давно победило религиозное, по теологии уже защищаются диссертации. Какое еще может быть неоязычество?

Отсылки к опыту современной Украины с ее факельными шествиями, «автокефальным православием», флагами с «волчьими крюками» и прочим карнавалом, который, не прекращаясь, идет уже если не с 2004-го, то с 2013 года, встречают усталую брезгливую реакцию. Ну да, *эти факелы – кого надо факелы*. И вправду, что тут говорить.

Неоязычество, как и постмодернизм, укладывается в дискурсы многих выдающихся философов и социальных мыслителей. В рамках пророчеств Шпенглера смерть религии – души культуры – и замена ее сциентизмом и наступлением цивилизации выглядит вполне естественной. Но далее, после распада сциентизма, начинается то «разложение реальности», которое он описывал применительно к живописи импрессионистов и музыкальным стилям. В рамках представлений Л.Н. Гумилева «осень цивилизации» также сменяется переходом к «утрате единства веры», религиозной эклектике, удивительно напоминающей неоязычество. С. Хантингтон, который в «Столкновении цивилизаций» писал о «пылающих границах ислама», также выделяет религиозный фактор как главный в механизмах легитимации. В рамках такого взгляда столкновение «верных» с «язычниками», «неверными» – неизбежно. Этот ряд можно продолжать долго. Но, поскольку каждый раз речь идет о длительных перспективах, вопрос об актуальности неоязычества можно игнорировать. «Это не про нас».

С постмодернизмом проще, привычнее. Общая характеристика постмодернизма, «плюрализм реальности» с потенциальным правом всякого индивидуума на свою картину мира вполне актуальны. И это, в частности,

позволяет объяснить выпадение дискурса истины из работ философов. В свою очередь, когнитивный диссонанс, который возникает при восприятии любого постмодернистского текста, обусловлен тем, что независимо от воли автора, пытающегося быть «объективным», он пытается навязать *свою реальность* читателю. И признание плюрализма реальности в качестве исходного тезиса ничего не значит, ведь желательно, чтобы читатель согласился с автором (-ами) в том, что представленная в тексте картина мира *более реальна*, чем другие. Поэтому повторим ранее высказанный тезис: *этот плюрализм – кого надо плюрализм*, карнавал имеет свои правила, и горе тем клоунам, которые решили, что теперь *именно им всё позволено*.

Неоязычество снимает проблему сакральной легитимации политического режима да и власти вообще. Так, если раньше говорилось, что демократия – это ежедневный референдум о доверии к власти, то теперь достаточно того, что власть слушают и смотрят, и это означает, что *ее реальность существует*.

Неоязычество – многобожие, которое легитимируется не только современными медиа, но и всемирной паутиной. Можно обожествлять власть, а можно – оппозицию, можно искать народный дух в провинциях, а можно – в столицах... Если будет позволительно использовать очередной оксюморон, это – *абсолютный релятивизм*. Рейтинги доверия в таком случае мало что значат: всё равно *пока* ничего другого не существует. Значимыми переменными становятся только сила и деньги, символический капитал обесценивается. Противоположные исходы: «режим будет существовать бесконечно долго» и «завтра будет революция» – становятся равновероятными. Таким образом, «победитель получает всё». Это питательная почва для нарциссов – будь то карьеристы, будь то революционеры.

Стоит обратить внимание на связь революций с неоязычеством. От Великой французской революции 1789 года и до бархатных революций конца XX века одной из их целей была десекуляризация и деклерикализация общества. Удаление, дискредитация традиционных религиозных представлений вели к тому, что их место занимали символы, призванные заместить прежние верования и авторитеты. Сформировались и новые ритуалы (напомним, что социологический смысл ритуала – отделение «своих» от «чужих»). После революционных сдвигов в конце 1980-х на постсоветском пространстве интенсивно развиваются неоязыческие движения, замещающая коммунистическую (социал-демократическую) идеологию, характерную для массовой культуры и дополняющую сциентизм.

Последний человек. Непонятый Фукуяма

Идея, которую высказал Ф. Фукуяма в своей напумевшей книжке [12], опиралась на долгую традицию западной политической философии. Она восходит к XVII веку и к «первому человеку» в описании Т. Гоббса: такой человек имеет только одно право – личной безопасности; все остальные права переданы государству – «Левиафану». Эволюция прав, включая, конечно же, защиту частной собственности от конфискации, шла на протяжении трех веков. «Последний человек» имеет все права, государству остались только обязанности. Конец истории.

Мысль о том, что аппарат государства, включающий в себя полицейских, налоговиков, врачей, учителей, политиков, предназначен для того, чтобы обслуживать потребности «рядового гражданина», представляется *верхом нарциссизма* в политической философии. То же самое можно увидеть в ранее упоминавшейся теории общественного выбора – «налоги в обмен на общественные блага».

Работа Фукуямы вызвала критику за провозглашение «конца истории». При этом сами критики в основном сосредоточились на его представлении о мировой иерархии либеральных демократий, венцом которых в 1990-е годы позиционировались США. Этот тезис, конечно же, являлся откровенно шовинистским и пропагандистским, поэтому несогласие с американской исключительностью стало общим местом. Но в отношении тезисов о государстве как сервисной службе для гражданина не только не было возражений, напротив, это стало общим местом для политиков – «слуг народа», экономистов, социологов, философов. Как это должно быть приятно: обыватель – царь реальности! А если что не по нему, то сразу «страну люблю, а государство ненавижу».

Тем самым опять-таки снимается проблема легитимации, ведь она возникает только в отношении субъекта, в отношении которого гражданин находится *намного ниже* в социальном пространстве⁸. Тогда вопрос о справедливости сложившегося социального порядка может стать экзистенциальной проблемой. Но в отношении легитимности положения таксистов, официантов или дворников у граждан нет проблемы. Если они плохо работают, их можно заменить, меньше заплатить, обругать... Распространение такого отношения на чиновников (независимо

⁸ Распространение гражданской веры в то, что обыватель – «царь реальности» и может менять чиновников по своей прихоти, сродни неоязычеству. Распространяют ее вполне уважаемые господа, поддерживаемые, конечно же, политиками и чиновниками. И опять же стоит подчеркнуть разницу с традиционным язычеством: если там старым богам и их жрецам могло грозить разве что забвение, то нынешние культы сопровождаются регулярным ритуальным сожжением прежних кумиров. Более того, фраза «прошлое этой страны остается непредсказуемым», которую еще недавно адресовали России, теперь относится к подавляющему большинству государств, включая цивилизованный Запад.

от страны, ведь они везде теперь слуги народа) только укрепляет нарциссизм обывателя. И обвинения представителей власти в коррупции теперь позволяет предполагать, что дело-то в их личных качествах, но не в системе обслуживания (политическом режиме). Граждане передовых демократических стран теперь с презрением смотрят на своих предшественников, жертв массовой культуры, воздвигавших памятники своим бездарным вождям.

Любопытно – особенно для экономиста – отсутствие симметрии, которая обычно присутствует в рассуждениях сторонников либеральных доктрин об обмене (и рынке). Так, при анализе обмена налогов на общественные блага в центре внимания социальных мыслителей оказываются *только* качество общественных благ и свойства их производителей. Низкое качество предполагает, что покупатели и налогоплательщики могут поменять одних производителей на других, попросту уволить чиновников и бюджетников и нанять новых. Обратная – симметричная – ситуация, в которой госслужащие в случае неуплаты налогов могут отказать гражданам в их правах и на их место пригласить новый народ, почему-то из анализа выпадает.

На самом деле практика «замены народа» в XXI веке становится всё более распространенной. С ней уже давно сталкиваются и США, и страны ЕС, и международные организации (ФРС, МВФ, МБРР). Возможно, в этом ранге начинают выступать и социальные сети, бросающие вызов Президенту США, Правительству РФ. Но чтобы заметить «подмену народа», необходим отказ от нарциссизма и пересмотр оснований собственной рефлексии. Хотя это вполне возможно для отдельных ученых, в целом общественные науки, по нашему мнению, будут сохранять прежний свободолобивый индивидуалистический дискурс. Как заявляла кумир российской интеллигенции 1980-х М. Тэтчер, «такой вещи, как общество, не существует. Есть отдельные мужчины, отдельные женщины, и есть семьи». Какой тут еще «народ»? И какая «легитимация»?

Наука и образование как сервисный сектор

Нам уже доводилось писать, что в условиях нарциссической культуры наука и образование превращаются в сервисный сектор, что приводит к экзистенциальному переживанию кризиса частью профессоров и научных сотрудников [6]. Несмотря на льстивую высокопарную риторику политиков, превозносящих роль науки и образования в современном обществе, эти сферы, как мы попытались показать выше, уже перестали выступать в качестве «выдающих моральную санкцию» на власть. Более того, если раньше сами ученые и профессора входили в состав законодательных и исполнительных органов власти, то с расцветом постмодерна их места всё

больше занимают спортсмены и артисты. И это не случайно: «индустрия отдыха» является наиболее быстро растущим сектором, а учитывая популярность выдающихся артистов и спортсменов, они становятся «паровозами» для лидерских партий.

Наука как поиск истины обладает сакральностью, сопоставимой с религиозным служением (ранее истина и Бог рассматривались, к примеру, в Евангелии от Иоанна как понятия тождественные). Однако в наше время наука превратилась в один из «видов экономической деятельности». Кроме уже упоминавшейся выше ликвидации дефицита «человеческого капитала», немалую роль в этом превращении сыграл нарратив «науки как производительной силы». Согласно Ф. Листу, который ввел категорию «производительных сил» в научный оборот, наука во многом сродни добывающей промышленности, недаром патенты так напоминают права на использование недр и точно так же приносят ренту. Или не приносят, если пробы показывают отсутствие полезных ископаемых. Отсюда логично, что ученые и преподаватели превращаются в научных и научно-педагогических *работников*, производящих соответствующую *продукцию и услуги*.

Потеря сакральности вместе с отказом от поисков истинности у многих еще вызывает недоумение, но уже не у всех. Подавляющее большинство ученых не говорят о *неприемлемости* наукометрии, индексов Хирша и прочего, они всего лишь полагают, что эти процедуры просто должны быть *усовершенствованы, дополнены*, должны включать в себя более широкий круг показателей. Совершенствование, надо полагать, приведет к тому, что очередной обладатель трехзначного Хирша будет уже не «великим ученым», а только «выдающимся». Ученые и профессора вовсе не против реформ науки и образования – они же за *прогресс*. Но ведь, «*как все знают*», ни одна система не может реформироваться и совершенствоваться «изнутри». Поэтому правительство нанимает одних ученых и профессоров, чтобы они дали рекомендации того, как лучше отформатировать и построить деятельность других ученых и профессоров. А заодно оно нанимает других ученых (или *тех же?*), чтобы те дали предложения по очередному этапу административной реформы: какие министерства, службы и агентства следует объединить, какие разъединить, по каким регламентам и «дорожным картам» они должны взаимодействовать и т. д. Это бесконечный процесс улучшения и совершенствования *самих себя по сравнению с самими собой*. Университет X опустился в рейтингах, а университет Y поднялся. Значит ли это, что университет X дает образование хуже, чем университет Y, вследствие чего он должен быть закрыт, а его студентов необходимо перевести в Y? Нет, не значит. На следующий год рейтинги поменяются.

Эта конкуренция на рынке образовательных услуг призвана способствовать росту качества образования. Но почему, ведь если образовательный стандарт выполняется, значит, этого достаточно? Нет, недостаточно, и если в университете *Y* данный курс читается лектором с более высоким индексом Хирша, чем в университете *X*, то и качество преподавания будет выше (особо вредные могут вспомнить здесь о «педагогических успехах» А. Эйнштейна, Н. Винера, Л. Ландау). Вот он, *прогресс*. Можно гордиться: эта организованная «ярмарка тщеславия» теперь надолго.

В СССР было иначе: вузы не находились в конкурентных отношениях между собой, занимаясь подготовкой кадров для соответствующих отраслей и территорий. Аналогично за различными отраслевыми и академическими НИИ были закреплены определенные сферы исследований, эти организации должны были решать определенные задачи. Но эта ситуация не устраивала широкие круги научно-технической интеллигенции, и во второй половине 1980-х годов ученые и преподаватели активно поддерживали и «перестройку», а затем и «либеральные радикальные» реформы. Редко кто из них задумывался, что они могут предложить на новом рынке, какова конкурентоспособность их «продукции и услуг». И когда долгожданная рыночная экономика наконец появилась, выяснилось, что на научно-техническую продукцию у российского бизнеса (а на тот момент – и у российского государства) отсутствует спрос, а за рубежом предпочитают почему-то покупать эту продукцию преимущественно у своих ученых. Кто-то (в основном представители точных и естественных наук) предвидел эту ситуацию и занялся экспортом «самого себя», чтобы стать на Западе «своим», кто-то сменил профессию. Но с тех пор роль науки и образования в России изменилась радикально: вузы удовлетворяют спрос на образование со стороны студентов (точнее, их родителей), НИИ конкурируют между собой за государственные задания. Повторимся: если раньше ученые и профессора были частью власти, то теперь это работники, занятые в сервисном секторе. И Россия – не исключение: превращение науки и образования из «производительной силы» в сервисный сектор произошло в большинстве стран⁹.

Особенностью российской ситуации по сравнению с положением ученых и профессоров в других странах, пожалуй, является только глубокое недоверие между политиками и чиновниками, с одной стороны, и учеными и преподавателями – с другой. Это травмирующее воспоминание о 1990-х годах, по их итогам каждая из сторон считает себя

⁹ Речь идет, конечно, о фундаментальных исследованиях, выполняемых в НИИ и университетах. Сфера НИОКР в рамках корпораций давно стала частью производственного цикла. Но ученые, которые работают в корпорациях, никогда и не имели отношения к проблеме легитимации власти – это просто часть бизнеса.

обманутой. Однако нарциссическая культура объединяет всех. Существует какое-то трогательное единство между министерствами, руководством федеральных и исследовательских вузов, академических НИИ и государственных научных центров – все просто-таки рвутся участвовать в разных «топ-100», мегагрантах и прочих мероприятиях «на переднем краю мировой науки».

Заключение. Будущее нарциссической культуры

Культуры, какими бы они ни были, складываются и существуют долго. Возможно, правильнее было бы говорить только о «культурных доминантах», поскольку в нынешней нарциссической культуре можно найти и элементы недавнего «массового производства», и языческую архаику, и разные практики авраамических религий (от «халяльной» еды до купаний в крещенские морозы). Политические режимы трансформируются гораздо быстрее.

Либеральная демократия, возможно, является уникальным политическим устройством, обеспечивающим безопасность личности и меньшинств, свободу слова, вероисповедания и множество других прекрасных вещей. Но меньшинства становятся всё более непримиримыми, свобода слова для одних, как оказывается, требует цензуры в отношении других, а свобода творчества неожиданно трансформируется в девиз «ничего святого». И уже к третьему десятилетию XXI века кризис этого замечательного политического режима становится очевидным. Однако в этот раз научно-техническая интеллигенция отнюдь не спешит ему на выручку. Положение радикально изменилось: из представителей привилегированного меньшинства ученые и преподаватели превратились в одну из больших групп, занятых в сервисном секторе.

Можно ли рассчитывать на то, что в науке и образовании будет формироваться какая-то другая культура, основанная на альтернативных нарциссизму началах? Сможет ли «объект» реформирования, понимающий, что с ним пытаются сделать, трансформироваться сам, «изнутри», причем так, чтобы вернуть себе привилегированное положение? Трудно сказать. Какая-то позитивная программа в этом отношении просматривается разве что в богатых странах у левых сил, выступающих за введение «базового безусловного дохода». Но для стран со средним уровнем дохода, будь то Россия или Бразилия, этот вариант выглядит утопией. Успех социальной группы в обществе определяется уровнем связности группы, четкостью целей, рациональностью поведения ее членов. Вполне закономерно, что сексуальные меньшинства оказываются более эффективными в сравнении с учеными и преподавателями в плане выделения и обустройства благоприятной для себя среды, достижения целей.

Другая альтернатива представляется гораздо более реальной, тем более что она соответствует как духу нарциссической культуры, так и доминирующим представлениям о конкуренции и эффективности. Кроме того, она отвечает и официальному курсу давно идущей в России реформы образования и науки. В соответствии с общими ожиданиями дифференциация вузов и научных учреждений станет усиливаться. Будет осуществляться их объединение/укрупнение заодно с частичной ликвидацией. Относительно высокая горизонтальная социальная мобильность молодежи, которой способствует ЕГЭ, будет дополнена жесткой стратификацией, образцы которой уже можно наблюдать на Западе. Далее основное деление на дешевое онлайн-обучение и дорогой офлайн будет дополнено внутренней дифференциацией преподавателей и ученых, определяемой по их позициям в итоговых рейтингах по отраслям наук. Кроме того, уже сейчас заметна особая группа преподавателей – бывших чиновников, перешедших с госслужбы на позиции различных «ординарных профессоров» и/или проректоров. Для них, очевидно, введут еще какую-нибудь особую компоненту типа «обладания уникальными компетентностями». Принцип «вращающихся дверей» будет всё больше распространяться не только на власть – бизнес, но и власть – науку – образование¹⁰. Естественно, что новые касты будут оформляться не только в науке и образовании, но *везде*. Сейчас в связи с появлением цифровых валют стала широко обсуждаться китайская инновация – социальный рейтинг (между прочим, своеобразный «векторный вариант» индекса Хирша). Утверждается, впрочем, что такая новая социальная технология будет характерна для авторитарных обществ. Однако все, кто сталкивался с определением рейтингов заемщиков, или оценкой «профессиональной позиции» в богатых западных странах, могут подтвердить, что элементы этой технологии уже давно применяются и при режиме либеральной демократии.

¹⁰ Еще античных мыслителей волновали темы баланса в обществе большинства и меньшинства. Ныне это решается изобретением разных форм демократии как власти легитимного большинства. Проблема *наилучшего деления общества на сословия* получает серьезную подпитку за счет того, что важной трансформацией общества с конца XX века становится его способность к созданию и модификациям социосистем (семья, социальные сети, субкультуры и меньшинства и др.). Это относится к теме свободы и обсуждается в либеральных концепциях общественного устройства. Уникальность современности (конец XX и начало XXI века) заключается в сочетании демократии и либерализма. Но либеральная демократия неустойчива. Порядок нарушается протестами меньшинств, протекающими на фоне их ускоряющегося образования. В этих условиях жесткая «кастовая» система с тоталитарным информационным контролем, предоставляющая *каждому меньшинству ровно тот объем свобод, в котором, по общему мнению, они нуждаются*, представляется своеобразным *новым каркасом* либерализма. Уже сейчас в богатых странах выделены гетто, где группам с соответствующими предпочтениями можно убивать друг друга; неподалеку есть кампусы для яйцеголовых, деловые кварталы для «яппи», и всё это под круглосуточным наблюдением телекамер дронов, спутников, стационарных объектов. Страны со средним доходом, включая Россию, тоже движутся именно в этом направлении.

Впрочем, институциональное оформление хорошо известных тенденций не так уж и важно, здесь возможны вариации. Главное в другом: и наука, и образование становятся *всё более скучными*. Нет ничего более скучного, чем ударная борьба за повышение наукометрических (библиометрических) показателей, страха за потерю итогового рейтинга и общего легитимного, поддерживаемого начальством стремления устроиться на работу в организацию, где «хорошо кормят». Застой и скука – именно это и есть апогей развития нарциссической культуры в науке и образовании. А вот как быстро это захватит все сферы общества – вопрос времени, тем более что такое лекарство от скуки, как вооруженное насилие, применяется нарциссами всё чаще и чаще. Что же до ученых, связанных с разработками оружия, будь то традиционное, кибернетическое или психологическое, то в этих сферах не принято учитывать ни наукометрию, ни социальные рейтинги.

Литература

1. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. – М.: Ладомир, 2004. – 326 с.
2. Кларк Г. Отцы и дети. Фамилии и история социальной мобильности. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. – 586 с.
3. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1282 с.
4. Ницше Ф. Веселая наука. – М.: Эксмо-Пресс, 1999. – 574 с.
5. Ницше Ф. По ту сторону Добра и Зла // Ницше Ф. Избранные произведения. Кн. 2. – М.: Сирин, 1990. – С. 149–326.
6. Ореховский П.А., Разумов В.И. Время карнавала: российская высшая школа и наука в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 1. – С. 77–94. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94.
7. Ореховский П.А., Разумов В.И. Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 1. – С. 84–102.
8. Павлов А. Странная жизнь постмодерна // Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. – С. 7–57.
9. Разумов В.И., Сизиков В.П. К новой парадигме закона // Вестник Омского университета. – 2012. – № 2 (64). – С. 213–219.
10. Розов Н. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. – Новосибирск: Манускрипт, 2016. – 344 с.
11. Фрамм Э. Душа человека, ее способность к добру и злу. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
12. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2004. – 588 с.
13. Хайек Ф. фон. Конституция свободы. – М.: Новое изд-во, 2018. – 525 с.

14. Хелд Д. Модели демократии. – М.: Дело, 2014. – 544 с.
15. Шмитт К. Теория партизана. – М.: Праксис, 2007. – 301 с.
16. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
17. Шумпетер Г.А. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.
18. Эпштейн М.Н. Предлог «В» как философема. Частотный словарь и основной вопрос философии // Вопросы философии. – 2003. – № 6. – С. 86–95.
19. Юнг К. Психология нацизма // Карл Густав Юнг о современных мифах: сборник трудов. – М.: Практика, 1994. – С. 213–251.

References

1. Zakaria F. *Budushbee svobody: neliberal'naya demokratiya v SShA i za ikh predelami* [The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad]. Moscow, Ladomir Publ., 2004. 326 p. (In Russian).
2. Clark G. *Ottsy i deti. Familii i istoriya sotsial'noi mobil'nosti* [Son also rises : surnames and the history of social mobility]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2018. 586 p. (In Russian).
3. Collins R. *Sotsiologiya filosofii: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [The Sociology of Philosophies: a Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2002. 1282 p. [Sociology of Philosophy]. (In Russian).
4. Nietzsche F. *Veselaya nauka* [The Gay Science]. Moscow, Eksmo-Press, 1999. 574 p. (In Russian).
5. Nietzsche F. Po tu storonu Dobra i Zla [Beyond Good and Evil]. Nietzsche F. *Izbrannyye proizvedeniya*. Kn. 2 [Selected Works. Vol. 2]. Moscow, Sirin Publ., 1990, pp. 149–326. (In Russian).
6. Orekhovskiy P., Razumov V. Vremya karnavala: rossiiskaya vysshaya shkola i nauka v epokhu postmoderna [The Carnival Time: The Russian High School and Science in the Postmodern Era]. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 3, pt. 1, pp. 77–94. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94.
7. Orekhovskiy P., Razumov V. Nastuplenie nartsissicheskoi kul'tury: posledstviya dlya obrazovaniya, nauki i politiki [The Onset of Narcissistic Culture: Consequences for Education, Science and Politics]. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 1, pp. 84–102.
8. Pavlov A. Strannaya zhizn' postmoderna [The strange life of postmodernism]. Jameson F. *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism or, The Cultural Logic of Late Capitalism Durham]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2019, pp. 7–57. (In Russian).
9. Razumov V.I., Sizikov V.P. K novoi paradigme zakona [To a new paradigm of law]. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk university*, 2012, no. 2 (64), pp. 213–219.

10. Rozov N. *Idei i intellektualy v potoke istorii: makrosotsiologiya filosofii, nauki i obrazovaniya* [Ideas and Intellectuals in the stream of history: Macrosociology of philosophy, science and education]. Novosibirsk, Manuskript Publ., 2016. 344 p. (In Russian).
11. Fromm E.S. *Dusha cheloveka, ee sposobnost' k dobru i zlu* [The Heart of Man, its genius for good and evil]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 430 p. (In Russian).
12. Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow, AST Publ., 2004. 588 p. (In Russian).
13. Hayek F. Fon. *Konstitutsiya svobody* [The Constitution of freedom]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2018. 525 p. (In Russian).
14. Held D. *Modeli demokratii* [Models of Democracy]. Moscow, Delo Publ., 2014. 544 p. (In Russian).
15. Schmitt C. *Teoriya partizana* [Theory of the partisan]. Moscow, Praksis Publ., 2007. 301 p. (In Russian).
16. Spengler O. *Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoi istorii. T. 1. Geshtal't i deistvitel'nost'* [The Decline of the West. Vol. 1. Form and actuality]. Moscow, Mysl' Publ., 1993. 663 p. (In Russian).
17. Schumpeter J.A. *Kapitalizm, sotsializm i demokratya* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow, Ekonomika Publ., 1995. 540 p. (In Russian).
18. Epshtein M.N. Predlog "V" kak filosofema. Chastotnyi slovar' i osnovnoi vopros filosofii [The preposition "B" as a philosopheme. Frequency vocabulary and fundamental question of philosophy]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2003, no. 6, pp. 86–95. (In Russian).
19. Jung C.G. Psihologiya natsizma [Psychology of Nazism]. *Karl Gustav Yung o sovremennykh mifakh* [C.G. Jung on modern myths]. Moscow, Praktika Publ., 1994, pp. 213–251. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 28.12.2022.

Статья прошла рецензирование 17.02.2023.

The article was received on 28.12.2022.

The article was reviewed on 17.02.2023.